

События в Грузии и Армении в контексте геополитических планов глобального Запада Комментарий Центра АРВАК, 04.06.2024

Накал внутривосточной борьбы в Грузии и Армении происходит практически синхронно, что позволяет говорить о наличии связи между событиями в двух южнокавказских республиках. С учетом того, что рассматриваемая корреляция обусловлена воздействием одних и тех же глобальных сил на внутренние дела Тбилиси и Еревана, можно предположить, что упомянутые внешнеполитические акторы ведут комбинированную работу по управлению процессами в субрегионе Южного Кавказа.

Внешне алгоритмы процессов, протекающих в Грузии и Армении, сильно разнятся. В Грузии идет борьба оппозиционных сил и определенной части общества с властью за отмену т. н. «Закона об иноагентах», который, якобы, готовит почву для редемократизации страны. В Армении оппозиционные круги и широкие слои общественности выступают с требованиями отставки руководства страны, обвиняя его в «пораженчестве», «отходе от национальных интересов» и отказе от «основ национальной идентичности». Векторы, мотивы и декларируемые цели протестных движений различны вплоть до противоположности, однако протекающие события объединяет логика вовлечения в них Запада.

Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что в обоих случаях ведется агрессивная информационная кампания относительно «вмешательства Москвы во внутренние дела закавказских стран». В Грузии протестующая оппозиция называет Кремль заказчиком скандального закона и обвиняет действующие власти в сговоре с РФ и переходе руководства страны под покровительство «путинского режима». В Армении сами власти и провластные круги относят протестное движение к «проискам Москвы» и квалифицируют оппозиционеров в качестве «пятой колонны», продвигающей российские интересы. Причем, возможность не санкционированного извне недовольства политикой правящей партии обществом, власти отмечают изначально.

Примечательно, что и в том и другом случаях официальная Москва демонстрирует подчеркнутый нейтралитет и старается высказываться относительно процессов в Грузии и Армении по возможности мало и максимально осторожно. Во-вторых, в медиапространстве нет достоверных фактов действенного либо опосредованного вмешательства РФ в дело защиты грузинских властей или поддержки протестующей армянской оппозиции. Симпатии российских властей, если они и имеются в отношении тех или иных общественных и политических фигур в Грузии и Армении, как минимум в данном случае, не могут считаться фактором, способным влиять на ход событий. При этом сами грузинские власти и армянский протестный сегмент подчеркнуто сторонятся риторики и действий, которые могли бы стать неоспоримой основой для обвинения их в политической кооперации с Москвой.

С таким фоном резко контрастирует активность Запада, который с одной стороны генерирует нарратив «о вмешательстве РФ» во внутренние дела Тбилиси и Еревана, а с другой открыто осуществляет давление на грузинскую власть и демонстрирует поддержку армянскому руководству. О вовлеченности мировых центров силы во внутривнутриполитические процессы в южнокавказских республиках говорится уже давно, и, тем не менее, пример Грузии беспрецедентен с точки зрения норм и практики международных отношений.

Известно, что по случаю инициирования в середине апреля 2024 года в парламенте Грузии процедуры принятия вышеназванного закона ряд стран Запада, одновременно со стартовавшим в Тбилиси протестным акциям, развернул масштабную политико-дипломатическую и информационно-пропагандистскую кампанию против грузинского правительства и партии «Грузинская мечта». В промежутке времени от 15.04.2024, когда инициатива была вынесена на первое парламентское голосование и вплоть до нынешнего времени, когда закон вступил в силу после преодоления наложенного президентом Грузии С. Зурабишвили вето, Тбилиси посетили более десяти высокопоставленных делегаций западных стран и интеграционных структур. Помимо того, в Тбилиси были направлены эмиссары правительств и парламентов из Европы и США. Согласно СМИ, они не только должны были в ходе переговоров убедить власти Грузии свернуть законодательную инициативу, но и своим присутствием, вплоть до участия в протестных акциях, воодушевить оппозицию на радикализацию борьбы. Генерация информационных потоков в западной прессе с акцентом на, якобы, «сговор» партии «Грузинская мечта» с Москвой достигла беспрецедентных масштабов. Вместе с тем, согласно грузинским источникам, по официальным и неофициальным каналам американские и европейские чиновники систематически доводили до сведения грузинского руководства свою готовность приостановить программы сотрудничества США и ЕС с Грузинской республикой, заморозить планы выделения финансово-материальной и военно-технической помощи, а также свернуть уже действующие долгосрочные интеграционные проекты. На определенном этапе в ход были пущены угрозы применения как персональных, так и институциональных санкций и инициирования процесса «низложения» международного имиджа Грузии как демократически прогрессирующей республики. Апогеем политики давления на Тбилиси принято считать случай 23.05.2024, когда, по признанию премьер-министра Грузии И. Кобахидзе, еврокомиссар ЕС по вопросам расширения и интеграции Оливер Вархей в телефонном разговоре «угрожал ему покушением на жизнь». Вархей напомнил Кобахидзе о тяжело раненном словацком премьер-министре Роберте Фицо, который был подвергнут вооруженному нападению фанатичным ультра-либералом. И. Кобахидзе заявил, что знает, спецслужба какой страны стоит за этим покушением и намекнул, что и он является мишенью для покушения.

В случае с Арменией западные центры в официальной плоскости ведут себя более сдержанно и демонстрируют нейтралитет, что, согласно некоторым оценкам, можно объяснить пока еще способностью действующей власти удержать ситуацию под

контролем. Для сохранения статус-кво и приемлемой диспозиции в противостоянии оппозиция–власть Западу здесь достаточно поддержать правящие силы по двум направлениям. Во-первых, с помощью подконтрольных себе СМИ и НПО содействовать генерации антироссийских настроений в обществе. И, во-вторых, предотвратить вмешательство любых правозащитных организаций во внутриполитические процессы с прицелом на критику антидемократических методов борьбы власти против протестующих. Об удовлетворенности западных центров степенью контроля армянской властью внутриполитических процессов и недостаточной сплоченности оппозиционных сил свидетельствует и тот факт, что ни западные посольства и ни западные эмиссары не ищут контактов с армянским протестным движением. Учитывая недостаточную мобилизационную и технологическую «проработанность» продвигаемой оппозиционными кругами идеи смены власти, подобные контакты в качестве меры сдерживания действий протестных масс для Запада, во всяком случае пока, представляются излишними. США и ЕС демонстрируют, что «не видят» протестное движение, как, впрочем, и признаков внутриполитического кризиса в Армении. И, тем не менее, это не мешает им проводить интенсивную консультационную работу с армянскими властями на теневом уровне. Показательно, что ощутимая, а возможно, и главная часть работы Западных центров с действующими властями РА ведется по каналам спецслужб. Трудно оценивать в отрыве от внутриполитической повестки Армении визит в Ереван 21.05.2024 заместителя директора ЦРУ Дэвида Коэна. Впрочем, в данном случае приезд замглавы американской разведки в Армению следует рассматривать и в более широком контексте процессов на Южном Кавказе, поскольку он, очевидно, является продолжением серии встреч руководства РА с главами ЦРУ и МІ6 Уильямом Бернсом и Ричардом Муром в Ереване, Брюсселе и Лондоне.

Таким образом, краткий анализ показывает, что коллективный Запад одновременно ведет слаженную работу по сохранению действующих властей в Армении и, как минимум, «ограничению самостоятельности» Грузии в выборе внешнеполитического вектора.

По мнению подавляющего большинства независимых международных экспертов, процесс комбинированных действий США и ЕС на Южном Кавказе самым непосредственным образом связан с украинскими событиями и перспективой стратегического сближения России с Ираном, активную поддержку которым оказывает Китай. На Западе есть четкое понимание того, что альянс Москвы и Тегерана продиктован естественными обстоятельствами и взаимной заинтересованностью по блокировке по оси Балтика–Черное море–Персидский залив продвижения влияния Запада в континентальную глубь Евразии. С этой программой также взаимосвязана судьба логистических проектов Север–Юг, Запад–Восток («Срединный путь»), а также перспективы прокладки энергетических маршрутов и освоения ископаемой ресурсной базы центральноазиатских стран. В свете намечающегося сближения РФ–ИРИ и непосредственной поддержки этого процесса со стороны КНР, деактивация российского влияния на Южном Кавказе и вывод

южнокавказских республик на передний край конфронтации с Москвой является приоритетной задачей Запада, стремящегося сыграть на опережение и сломать игру евразийских держав. «Южнокавказский клин», частью которого в ближайшей перспективе также должен стать Азербайджан, с подачи Турции и без внутренних потрясений будет призван нейтрализовать географически цельную структуру российско-иранского альянса и рассеять упомянутую выше геостратегическую ось поперек.

Планы сторон в этой большой игре построены на рациональных расчетах противоборствующий глобальных игроков. Однако по сложившейся традиции в случае с обществами Южного Кавказа вопрос переводится в область эмоционально-идейного восприятия реальности, что ведет к подмене мотивов глобальных акторов. Особенно красноречиво это выражено в манере работы либеральных институтов Запада в южнокавказском регионе, скрывающих приземленные, холодно-прагматичные цели своих действий за завесой идейных ценностей либерализма, таких как «мир», «процветание», «свобода», «суверенитет» и т. д. В данном случае роль универсального антагониста этих ценностей, за которые «ведется борьба», отведена России с ее «неоимпериалистическими планами». Примечательно, что борьба западной номенклатуры с властью в Грузии и с оппозицией в Армении ведется по единой логике нагнетания отношений с Москвой, поскольку, как представляется, именно антироссийские нарративы могут связать друг с другом внешне противоречивые действия Запада в Тбилиси и Ереване. В данной логике провластные СМИ и экспертные круги в Армении выказывают «моральную поддержку протестующим в Грузии». Тогда как прозападной грузинской оппозиции рекомендовано генерировать симпатии в своем электорате по отношению к действующим армянским властям и выразить неприятие позиции национальных сил.

При всей синхронности проистечения, другой примечательной особенностью политических процессов в двух соседних странах является их хронологическая удаленность на шкале «эволюции проблемы». По существу, Армения находится в стадии политико-идеологической переориентировки на Запад, тогда как Грузия прошла этот этап почти на два десятилетия раньше и сейчас выходит на временной отрезок «разворота» и попытки определения собственного, независимого пути. Опыт Грузии подсказывает ее политическим элитам во власти и общественным сегментам вокруг нее, что радикальное неприятие объективных инерционных процессов в связи с развалом СССР и импульсивное стремление «разом» избавиться от историко-политического наследия прошлого чреваты для страны впадением в противоположную крайность. События августа 2008-го, поставившие республику на грань уничтожения, окончательная потеря двух автономий (Абхазия, Южная Осетия), ползучая туркизация третьей (Аджария), депопуляция коренных жителей страны, экзистенциальная угроза превращения в арену столкновения конкурирующих держав – эти и другие смежные с ними проблемы подвели республику к точке переосмысления итогов всеобъемлющего патроната Запада, по существу окончательно разрушившего баланс и систему сдержек во внешнеполитической безопасности

южнокавказского государства. Грузия прошла десятилетие фактического российского протектората после войны начала 90-ых прошлого века и гражданской розни в стране, однако эпоха, последовавшая вслед за «Революцией роз» 2003-го, знаменовавшая собой всецелое равнения на «Западный вектор», также не избавила республику ни от территориальных вопросов, ни от проблемы гарантированного сохранения суверенитета в нестабильном конкурентном регионе.

Исходя из сказанного, инициативу грузинских властей следует трактовать как логическую попытку правящих элит, руководствующихся собственным опытом и учитывающих просчеты прошлого, восстановить баланс отношений со всеми мировыми и региональными акторами. Для этого же на данном этапе республике требуется, в силу имеющихся возможностей, нейтрализовать чрезмерное западное влияние на политические круги и общество, обусловленное массой факторов и широким инструментарием. «Закон об иноагентах» – лишь одна из контрмер, но, по видимому, самая существенная на данном этапе, поскольку обеспечивает прозрачность финансовых потоков, поступающих в страну для генерации политических настроений и процессов, а также вскрывает скрупулезно выстроенную обширную сеть интересантов извне и исполнителей общественно-политических заказов внутри страны. Чтобы осознать истинные масштабы организации США и ЕС системы многоуровневого воздействия и влияния на эту южнокавказскую республику, стоит только привести свидетельство самого грузинского премьера Ираклия Кобахидзе о приблизительно 10 000(!) западных НПО, получающий деньги из-за рубежа на свою деятельность в Грузии. Оценка и перечисления специализаций этих организаций, а также упоминание иных методов воздействия Запада на внутривнутриполитические процессы и общественные настроения в Грузии выходят за рамки данной публикации, однако одна только приведенная выше цифра достаточна для того, чтобы показать охват действий западного сообщества и степень его проникновения в общественно-политическую ткань грузинского государства.

На этом фоне не логично называть решимость грузинского руководства вернуть суверенный контроль над республикой *«откатом от демократических ценностей»* и *«курсом на тоталитаризм»*. Причем, учитывая еще и то обстоятельство, что официальный Тбилиси ни в коей мере не намерен по собственной инициативе отказываться от интеграционного пути на Запад, как единственно приемлемого для себя историко-цивилизационного курса. Иной вопрос, что лелеемое Тбилиси десятилетиями идеализированное восприятие евро-американского исторического вектора, на самом деле, омрачается осознанием своей истинной роли в качестве буферной *«серой зоны»*, которую может легко постигнуть та же участь, что и, к примеру, Украину. В подобной ситуации нет ничего противоестественного и, тем более, *«антидемократичного»* в поведении официального Тбилиси, к которому спустя три десятилетия испытаний возвращается осознание своей субъектности и естественного права на обретение баланса безопасности в предельно сложной системе геополитических координат.

Грузия, прикладывая колоссальные усилия, путается выпутаться из ловушки, условно называемой «*программой тотальной либерализации постсоветских республик*», тогда как траектория нынешнего армянского курса направлена к этой самой «ловушке», что обусловлено импульсивным стремлением в свою очередь избавиться от «*российского патроната*». Вопрос не в тривиальной оценке, политико-цивилизационная интеграция с какой из этих глобальных центров силы наиболее созвучна ценностной системе и видению своего будущего народов и обществ обеих южнокавказских республик. Вопрос в том, что перманентные резкие колебания в выборе антагонистических векторов способствуют деструкции механизмов суверенитета и жизнеспособности малых стран. Доказательством тому служит опыт внутривнутриполитических потрясений, системного кризиса, деградации и территориальных потерь, неизбежно постигающих Тбилиси и Ереван при каждой попытке резкого пересмотра глобальных ориентиров.